

4. Не тот Удинск:

как путают один Удинск (Верхнеудинск – Улан-Удэ)
с другим Удинском (Нижнеудинском)

Зарожденье града
С крепостцы пошло
Зданий след, ограды
Время всё снесло
Только чьи-то кости
По увалу спят,
Тайну щепки, гвозди
Тех времён хранят...¹

Н. Н. Бу р л а к о в

«Повезло» с названием...

Сразу скажу: исторические это страсти в основном по нашему – забайкальскому Удинску...

А как ещё скажешь про эту, начавшуюся более двух веков назад, многократно непрекращающуюся историю... И по сей день продолжают путать дату основания нашего Удинска, его старших начальных людей – приказчиков и древний рисовальный вид с тем же для одноименного поселения по другую сторону Байкала... И всё из-за того, что «повезло» нашему древнему городу возникнуть на реке с повторяющимся географическим названием и иметь «однофамильца» так же поименованного по реке с тем же названием, но несколько раньше основанного. От того и пошла потом, видимо, уже вскоре после рождения нашего забайкальского Удинска, эта, до публичных курьёзов доходившая, разногололица, которая нет-нет да отзовется в дни сегодняшние...

Почему, думаю, и заслуживает эта неумирающая историческая коллизия отдельного рассмотрения с надеждой, что, наконец, останется она уже только одной историей... Хотя, как сказать, ведь, к сожалению, и сегодня тоже серьёзные обоснования исторических экскурсов присущи далеко не всем пишущим...

Прежде о самом географическом названии *Уда* и его распространении, которые в 1969 г. объяснил учёный М.Н. Мельхеев в книге «Топонимика Бурятии». **О названии:** «Считают, что название Уда (приток Селенги) происходит от наименования меркитского племени *уду* (*удуит*), жившего в XII в. по Орхону и Селенге. Некоторые производят от монг. слова *удэ* – полдень, связывая это с легендой о том, что какие-то монгольские войска или кочевники прибыли к этой реке в «удэ», т. е. во «время обеда», в полдень, и назвали безымянную реку Удой. Предполагают также, что Уда есть селькупское (самодийское) *уд* – вода. Правильная этимология от этнонима *уду*. Удуиты или удуит-меркиты упоминаются в «Сокровенном сказании» монголов (1240 г.), как племя разбитое Чингис-ханом. Об удуитах писал Рашид-ад-дин (...). **О географии распространения:** «Топоним *Уда* имеет большой ареал: от Камчатки до Алтая, например, рр. Уда, притоки Охотского моря; *Уда* – правый приток Ангары; названия рек в Присаянье, а Ал-

тайском крае. Река Уда есть в Псковской области, на Украине, в Румынии, но эти названия, очевидно другого корня»².

Для более предметного понимания дальнейшего рассмотрения приведу во вкладке фрагменты уникальных древних карт – «Чертежа земли Иркутского города» и «Чертежа земли Красноярского города» из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. с местоположениями, соответственно, забайкальских «града Удинского» и «града Селенгинского» и красноярского «Удинского острога».

Эти фрагменты – наглядная иллюстрация не только географических различий, но даже статуса поселений на реках с названием Уда к концу XVII в.: заметно раньше основанный красноярский Удинск именуется всё ещё «острогом», в то время как, позже начавший с зимовья, только в 1678 г. ставший острогом, Удинск забайкальский уже «град». Объединяет столь разные поселения только одно обозначенное на этих картах одинаковое название рек – Уда...

Чужую называют датой...

Прежде напомню, что в недавней моей книге «Удинск. Очерки начальной истории, нераздельной с Селенгинском»³, а несколько раньше в газетной статье⁴, приведена в качестве, можно сказать, исторической увертюры к названной неоднозначной ситуации, подробная выборка печатных **обозначений 1649-го года как даты основания забайкальского Удинска (Верхнеудинска)**. Заключается эта выборка извлечениями из впервые в местном краеведении используемого исторического акта, однозначно указывающего на то, что **Удинское зимовье (следовательно, город Удинск-Верхнеудинск – Улан-Удэ) и Селенгинский острог были основаны в 1665 г., практически одновременно (точнее, сначала зимовье, потом острог, о чём далее), в одни и те же месяцы и одними и теми же первостроителями.**

Приведу из названной выборки только сведения, касающиеся неверного использования 1649 г. – фактической даты основания красноярского Удинского острога (Нижнеудинска) в качестве даты основания забайкальского Удинска (Верхнеудинска – Улан-Удэ).

В изданном в 1792 г. в Тобольске «Кратком показании о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах (...)» называется «город Удинск», который «поставлен в 1649 году казаком Михайловым». И сразу после этого помещены сведения о поставленном «городе Селенгинске в 1680 стольником Власовым»⁵. Возможно именно это печатное упоминание об основании «города Удинска» в 1649 г., по дате фактически относящееся к Нижнеудинску, стоящее здесь рядом с упоминанием о поставлении забайкальского Селенгинска (правильно: не в 1680-м, а в 1665-м году), как и именование Удинска «городом» («градом» на карте) явились первопричиной очень долго продолжающейся путаницы.

Долго будет повторяться разными авторами вся та же неверная дата основания забайкальского Удинска, названная в изданном в 1883 г. «Хронологическом

перечне важнейших данных из истории Сибири» сибирского историка И.В. Щеглова (1855–1884), последние годы работавшего в Троицкосавске-Кяхте и умершего там⁶: «1649. Основание Верхнеудинского острога»⁷. (...) 1666. Основан Селенгинск – острогом, на правом берегу р. Селенги»⁸.

Дата основания «Верхнеудинского острога» (забайкальского Удинска) – 1649 г., печатно обозначенная Щегловым, будет повторена, в том числе, в историческом очерке сибироведа и библиографа Ф.Ф. Буссе (1838–1896) «Забайкальское инородческое войско», опубликованном в 1895 г. в издании Троицкосавско-Кяхтинского Отделения ИРГО: «В 1649 году буряты беспрепятственно допустили на устье р. Уды, впадающей в Селенгу, постройку острога названного Верхнеудинским, а 27 сентября 1666 года десятник Васильев поставил Селенгинский острог»⁹.

Очень показательны для критического отношения к сведениям прежних авторов, как и своим собственным, оказавшимися неточными, исторические труды ещё одного известного в прошлом историка Сибири В.К. Андриевича (1838–1898), особенно много внимания посвятившего истории Забайкалья.

В своих ранних работах – «Пособии для написания истории Забайкалья» (1885 г.) и «Кратком очерке истории Забайкалья» (1887 г.) Андриевич пишет: «Пробыв в Забайкалье шесть лет, с 1661 по 1667 год, Толбузин заботился о заселении края прибылыми охочими людьми и распорядился постройкой Селенгинского острога в 1666 году. (...). При нём продолжалось заселение (...); построен в 1668 году острог Удинский (Верхнеудинский)»¹⁰.

На последующих страницах историк впервые обращает внимание на несостоятельность названной Щегловым даты основания «Удинского острога»: «Здесь кстати будет упомянуть о времени основания Верхнеудинского острога. Он должен был появиться после Селенгинского; если Селенгинский острог, лежащий на прямом пути в Россию от центрального пункта первоначальной деятельности администрации края, от острога Иргенского при впадении р. Хилка в Селенгу, вырос только через десять лет после установления первой гражданской власти в крае, уже обложении ясаком хоринских бурят, то Верхнеудинскому острогу, как дополняющему значение Селенгинского в смысле обеспечения западной границы наших забайкальских владений – естественно, надлежало явиться несколько позже, и потому предположение Словцова, что этот острог появился в 1668 году гораздо ближе к истине, чем указание Щеглова, что он выстроен в 1649 году. И вот почему именно. При движении Бекетова за Байкал в 1653 году, а затем Пашкова в 1656 году по рекам Селенге и Хилку, ни тот ни другой не видали Верхнеудинского острога, и Бекетов собирал сведения от монголов, кочевавших по реке Селенге, ниже впадения в оную Хилка. Следовательно, острога не было. Не было этого острога и в 1662 году, в год прибытия за Байкал воеводы Толбузина, двигавшегося к Нерчинскому острогу с реки Тугиры волоком к Нерчинску, – в чем бы ему не было надобности, если б он мог рассчитывать встретить русские поселения по р. Селенге»¹¹.

Здесь уместно заметить, что уже тогда к этому можно было добавить и объяснение изначальной причины ошибочного указания Щегловым 1649-го года в качестве даты основания «Верхнеудинского острога». Вот что написано в «Па-

мятной книжке Иркутской губернии 1881 г.»: «В 1640 г. красноярцы заложили на Кане Канский острог, посольство из которого к бурятам, кочевавшим по р. Уде, после нескольких неудачных попыток красноярских воевод склонить в подданство их, наконец, в 1647 году увенчалось успехом и бурятский князец Иланко сначала послал своих родовичей, а вслед за ними и сам прибыл в Красноярск присягнуть, прося, вместе с тем, построить в их земле острог. В 1648 г., на р. Уде был выстроен острог, названный Покровским городком, а потом в 1649 г. переименован в Удинский острог (ныне окруж. город Нижнеудинск, Ирк. губернии)»¹².

Наличие сразу двух сибирских острогов с одним и тем же названием вызывало ошибки и других серьёзных авторов, публиковавшихся в солидных печатных изданиях. Например, путешествовавший в 1811 г. из Иркутска в Нерчинск надворный советник И.Е. Миллер в издании «Дух Журналов», проезжая Верхнеудинск, писал: «Верхнеудинск. Начало основания сего города есть следующее: в 1647 году бурятский князец Иланко, вознамерившись покориться Российскому скипетру, просил Красноярского воеводу Петра Протасова построить в его земле острог для защиты от монгол и для сбора ясака. Просьба его была исполнена, острог в том же году построен на восточном берегу реки Уды, назван сперва *Покровской городок*, а потом *Верхнеудинский*. Он есть ныне один из лучших городов Сибири; расположен при устьи реки Уды, впадающей в Селенгу у подошвы высокой горы»¹³. Как видим, очень уж легко присовокупил здесь названный автор историю одного города к географии и видам другого...

И ещё один очень показательный пример: задолго до историка Щеглова в том же плане ошибался в дате даже авторитетный забайкальский краевед, летописец города Верхнеудинска, корреспондент сибирских и центральных периодических изданий, автор многих публикаций Н.В. Паршин (1830–1878), когда в 1865 г., в одном из очерков под общим названием «Верхнеудинск», писал: «Основание Удинского острога можно отнести к 1849 году»¹⁴.

Именно во избежание таких ошибок два населённых пункта, соименные рекам с одинаковым названием Уда, ещё в XVIII в. стали называть по удалённости от центра государства, соответственно, Нижнеудинск и Верхнеудинск.

Важно ещё обратить внимание на то, что практически все названные здесь (и в моей упомянутой книге) историки, обозначая разные даты основания Удинска-Верхнеудинска, пишут только об основании его сразу в виде острога, в действительности же возведенном заметно позже (в 1678 г.) основания здесь зимовья, о котором они вообще не упоминают. Это весьма существенное несоответствие историческим реалиям ещё более добавляло к путанице в хронологии основания забайкальского Удинска, продолжая дезориентировать и по сей день.

Во «Всеобщем календаре на 1900 год», в таблице со сведениями о российских городах, датой основания Верхнеудинска тоже будет указан 1649-й год¹⁵.

Зачинателями-энтузиастами современного составления истории Прибайкалья, в том числе и «биографии Верхнеудинска», были, в том числе, видные научные и общественные деятели Восточной Сибири: выпускник Санкт-Петербургского университета, деятель ВСОРГО, член редколлегии журнала

«Жизнь Бурятии», историк и этнограф Н.Н. Козьмин (1872–1938); выпускник МГУ, историк и краевед, большой знаток местных архивов В.П. Гирченко (1878–1953).

По дате основания Верхнеудинска первым из них выскажется Гирченко, который в 1922 г. в историческом очерке «Прибайкалье» без ссылки на источники напишет: «В 1665 году был основан вблизи впадения р. Чикоя в Селенгу острог *Селенгинский*. Через год при впадении в Селенгу реки Уды для сбора ясака с окрестных тунгусов было поставлено Удинское зимовье, превратившееся в последствии в гор. Верхнеудинск»¹⁶.

Козьмину же принадлежит самая первая в современном местном краеведении специальная работа по истории Верхнеудинска, опубликованная в 1925 г. под названием «Очерки гор. Верхнеудинска». Как можно заключить из строк, касающихся даты основания города, Козьмин, поместив дату по историку Щеглову, тут же дезавуирует её бесспорным историческим фактом: «Основание Удинского острога относят к 1649 году, но интересно то обстоятельство, что Спафарий дважды проехавший в 1675 году то место, где должно быть Удинскому острогу, не упоминает о нём совершенно. (...) Едва ли Спафарий мог пропустить Удинский острог, если бы он существовал»¹⁷.

Большой исторический очерк Гирченко «Основание и начальная история города Верхнеудинска» тоже вышел в 1925 г. В первых же его строках автор, обращая внимание на важность и первоочередной характер «составления истории Верхнеудинска», пишет: «Первым шагом к этой работе исторического характера является статья Н.Н. Козьмина «Очерки гор. Верхнеудинска», напечатанная в №5-6 «Жизнь Бурятии» за 1925 год».

Очевидно, понимая принципиальную важность и возможность точного датирования основания Удинска и подтверждая обоснованность соответствующих сомнений Козьмина, Гирченко тоже затронет вопрос о 1649-м годе: «В «Очерках гор. Верхнеудинска» Н.Н. Козьмин, приводя дату основания Удинского острога, 1649 год, высказывает однако сомнение в существовании этого острога даже в 70-х годах 17-го века, основываясь на том, что Спафарий в своём путешествии (1675 года) не упоминает о каком-либо поселении в устье Уды. (...) Отписка Васильева и путешествие Спафария разрешают это сомнение: Удинского острога ни во время путешествия Спафария, ни ранее ещё не было; на его месте было пока лишь зимовье, которое Спафарий и отметил. Датирование основания Удинска 1649-м годом также противоречит вышеприведенным данным»¹⁸.

После Козьмина и Гирченко серьёзный хронологический анализ проведёт архитектор-исследователь истории градостроения и памятников Бурятии Л.К. Минерт, который в уникальной монографии 1983 г. «Памятники архитектуры Бурятии» так выскажется по дате: «Г. Улан-Удэ (б. Верхнеудинск) основан на рубеже 1665–1666 гг.»¹⁹.

А в книге того же года – «Архитектура Улан-Удэ» он рассмотрит этот вопрос более подробно: «Хотя время строительства зимовья в документах не указано, но оно довольно точно определяется временем между двумя донесениями (отписками) Осипа Васильева, т. е. 30 сентября 1665 г. и 27 апреля 1666 г. Приня-

то считать годом основания г. Верхнеудинска (Улан-Удэ) 1666 г. Как видно из сказанного, строительство зимовья осуществлялось или в последних месяцах 1665 г., или в самом начале (январь, февраль) 1666 г. При этом более вероятным представляется октябрь 1665 г., до ледостава Селенги»²⁰. Привожу эти строки, так как считаю своим долгом обратить внимание на то, что ещё до введения мною в местный краеведческий оборот древнего акта, однозначно свидетельствующего о том, что Удинское зимовье поставлено в 1665-м, а не в 1666-м гг., исследователь Л.К. Минерт убедительней и ближе других историков и краеведов подошел к этой именно дате и был поддержан в ней известным дальневосточным историком А.Р. Артемьевым²¹.

А в примечаниях к той же книге Минерт отметит, что «в литературе можно встретить другие даты основания Удинского острога (г. Верхнеудинска)» и даже совершенно неправдоподобную – 1649 г. (Статистическое обозрение Сибири, СПб., 1810, с.327; Гегемейстер. Статистическое обозрение Сибири, СПб., 1854, с.181; Энциклопедический словарь Русского библиограф. ин-та Гранат. 13-е стереотип. изд., М., б. г.). Год основания 1649 относится к Удинскому острогу, давшему начало г. Нижнеудинску»²².

После этих строк Минерта с перечислением столь солидных прошлых изданий, в которых датой основания забайкальского Удинска тиражировался 1649 г., кажется, уже и нет смысла продолжать приводить здесь другие подобные же случаи, которых было ещё немало. К высокой степени засорения печатных изданий этой навязчивой, чужой для нашего забайкальского Удинска датой, кажется, уже ничего не добавишь...

Но считаю нелишним напомнить то, о чём уже писал в своей вышеназванной книге. К называвшемуся прошлыми историками аргументу против 1649 г. – проезжавший в 1675 г. устье Уды Спафарий писал только о наличии здесь казачьего зимовья – следует добавить и ещё более значимые сведения: в 1653 г. П.И. Бекетов, а в 1657 г. А.Ф. Пашков, с флотилиями судов проплывали мимо устья Уды к устью Хилка и далее по нему, останавливаясь, весьма возможно, на устье Уды для отдыха и технических нужд, но о наличии здесь острога или даже зимовья никаких вообще сведений не оставили. Не заметить здесь русского поселения и остановиться именно в нём они, конечно же, не могли...

И ещё вот о чем очень важно: после обнаружения древнего акта – отписки Осипа Васильева с «товарыщи» русскому царю, однозначно свидетельствующего о том, что Селенгинский острог и Удинское зимовье были построены в одни и те же месяцы 1665 г. одним и тем отрядом казаков-землепроходцев во главе с пятидесятником казачьим Гаврилой Ловцовым и десятником Осипом Васильевым, остаётся вопрос – в каком порядке они возводились?

Этот акт никак не подтверждает растиражированное мнение²³, будто Удинское зимовье поставлено уже после строительства Селенгинского острога Гаврилой Ловцовым с несколькими служилыми людьми, отправленными 30 сентября 1665 г. из острога Осипом Васильевым в Москву с монгольскими посланцами, а потом из Иркутска возвратившимися за новыми посланцами. Нетрудно заметить, читая соответствующие строки акта²⁴, что при названной здесь дате по-

становки самого острога – «во 174 году сентября в 27 день [1665 г. – Э.Д.]», перед этой отправкой зимовье уже существовало: «Да в нынешнем же, великие государи, во 174 году сентября в 27 день призваны были вам, великим государем, царьского величества под высокую руку в вечное неотступное холопство и в ясачной платеж иноземцы – тунгуские люди Люлеленкурского роду 25 человек к Селенге на усть Уды-реки к ясачному зимовью». Точности ради замечу ещё, что в другой отписке (1666 г.) Осип Васильев пишет, что «для тех новых призовых иноземцев поставлено ясачное зимовье на усть Уды реки»²⁵.

Подробно рассмотренная мною в книге продуманность и многоплановость подготовки селенгинского предприятия – начального градостроения на берегах Селенги, в том числе информационной его части, дают основание предположить, что места и очередность селенгинского первостроительства тоже были намечены заранее, а не определялись потом по ходу движения флотилии Ловцова и Васильева вверх по Селенге. Нет сомнений, что у участников селенгинского предприятия было немало возможностей получить нужную им информацию потому, что они сами были частью той первопроходческой среды, которая жила этой информацией, в которой она добывалась, накапливалась и передавалась.

После нескольких предшествующих посещений русскими землепроходцами устья Уды, участники селенгинского предприятия не могли не знать об его стратегически важном положении и удобствах для поселения, как не могли не иметь намерение и здесь тоже как-то закрепиться. Более чем очевидно, что, собираясь навсегда обосноваться далеко выше по течению Селенги, они должны были на становившемся теперь постоянным, жизненно важным пути сообщения по ней и Байкалу с Иркутском, Енисейском и Москвой обеспечить себе тылы – постоянный контроль над важнейшим средним промежуточным пунктом ниже по течению реки – устьем Уды. Это было в обыкновении русских землепроходцев – двигаясь всё дальше, оставлять за собой основанные уже поселения.

Не сомневаюсь, что так оно и было, а также в том, что Удинское зимовье строилось первым. И даже не только потому, что так заранее планировалось. Совершенно очевидно, что уже по причине плачевного, крайне опасного для плавания, состояния их судов и судовых снастей они никак не могли проследовать мимо удинского устья, здесь не останавливаясь и как-то не обосновавшись. Эти суда и снасти они сами, готовясь к столь дальнему путешествию, «починивали», потом же «те бечевы, идучи по Селенге реке прирвалися» и «впредь те суды и парусы и судовые снасти вам, великим государем, ни в какую службу и в ход не годитца»... Сегодня трудно себе представить то, что первопроходцы на своих крайне ветхих судах, переплыв Байкал, подымались вверх по Селенге только на вёслах, с помощью бечев и шестов. Очевидно, что при таких крайне тяжелых условиях плавания, вынужденная остановка в устье Уды им была остро необходима уже для одного только здесь отдыха, ремонта судов и снастей...

Хотя бы даже вынужденно остановившись в своём полном составе в устье Уды, как могли поступить участники селенгинского предприятия? Уже один только здравый смысл подсказывает, что одна их часть ремонтировала суда и снасти, другая ставила жилище, а третья – проводила разведку местности на

предмет поиска и «призыва» в «ясачной платеж иноземцы», – как здесь получилось, тех самых «тунгуских людей Люлеленкурского роду 25 человек». Первопроходцев было здесь достаточно много – 85 человек, чтобы выполнить всё это быстро и, оставив в зимовье некоторое число служилых и промышленных людей, двигаться дальше... И тем более всё могло быть именно так, если начальное обустройство в устье Уды – строительство здесь – в известном уже и очевидном для них стратегическом месте – зимовья заранее планировалось...

В общем было бы очень недальновидно, не поступив именно так, подыматься всем по Селенге к устью Чикоя, а потом уже оттуда, из поставленного или непостроенного ещё Селенгинского острога снова спускаться кому-то сюда для поиска необьясаченных ещё «иноземцев» и строительства здесь ясачного зимовья. Содержание первых отписок Осипа Васильева из новопостроенного Селенгинского острога такой очерёдности селенгинского градостроения отнюдь не подтверждает.

Предположение же, что участники селенгинского предприятия, после скорого ремонта судов и снастей, оставив здесь часть людей для строительства зимовья и ясачных дел, двинулись дальше, маловероятно потому, что связь с оставленными прерывалась и об успешном начале ясачных здесь дел, как и о других событиях, в остроге могли бы долго не узнать. Но в любом случае, документально обозначенная участниками селенгинского предприятия главная цель – пройти «вверх по Селенге-реке до устья Чика-реки» «для ради острожного поставления» требовала, не задерживаясь надолго в устье Уды, двигаться дальше. Поджимало их в общем короткое время до холодов...

И ещё раз: во всех отписках Осипа Васильева «с товарыщи» из новопостроенного Селенгинского острога со сведениями о подготовке селенгинского предприятия и поставлении Удинского ясачного зимовья нет никакого места для чужой навязчивой ложной даты – 1649 г...

Приказчиков тоже путают...

Совершенно особое место в этой долгоиграющей истории занимают в общем ценнейшие для нас сегодня архивные сведения о двух древних Удинских – красоярского подчинения и забайкальском, содержащиеся в уникальном «Обзрении столбцов и книг Сибирского Приказа (1592–1768 гг.)», составленном известным в прошлом отечественным историком, выдающимся знатоком сибирских архивов Н.Н. Оглоблиным (1852–?).

Особое потому, что авторитетный сибирский археограф, многократно приводя краткие архивные сведения и упоминания об этих одноименных острогах, в каждом отдельном случае никак отдельно не уточняет, о каком из них идёт речь. Это обращает на себя внимание ещё и потому что в отношении некоторых других одноименных населенных пунктов такие уточнения им делаются. Можно предположить, что содержание рассматриваемых документов не позволяло Оглоблину делать это достаточно определенно, поэтому ответы на возникающие вопросы были оставлены им для последующих исследователей. Правда, в

некоторой части упоминаний принадлежность сведений к Удинску красноярскому или Удинску забайкальскому сразу однозначно устанавливается из самого сопутствующего текста или путём сопоставления с другими сведениями «Обозрения (...)». Но немало сведений и упоминаний (особенно в перечислениях сибирских острогов) конкретизировать не представляется возможным.

В подтверждение этого приведу в виде таблицы сделанную мною выборку из четырёх частей «Обозрения (...)»²⁶ Оглоблина, обозначив в ней результаты однозначного и предположительного определения принадлежности приводимых сведений к тому или иному острогу, как и неустановленную принадлежность.

№ п/п	Часть «Обозрения (...)» и все страницы в нём с упоминаниями	Однозначно Удинск забайкальский	Возможно Удинск забайкальский	Однозначно Удинск красноярский	Не устанавливается
1	2	3	4	5	6
1	Часть 1: 112, 114, 118, 168, 186-188, 192, 195, 210, 225, 227, 334, 362, 367, 368, 385, 420	112, 188, 195, 368,	187, 225, 362	118, 168, 186, 210,	114, 192, 227, 334, 367, 385
2	Часть 2: 141, 158	-	-	141	-
3	Часть 3: 39, 172, 175, 179, 192, 193, 323, 335, 338, 346, 387	346	172 (Моисей Борисов), 192, 323 (Моисей Борисов), 335 (Степан Падерин), 338 (Ст. Падерин),	39, 172 (Степан Иванов), 175, 323 (Степан Иванов),	179, 193,
4	Часть 3: 37, 42, 148, 215	37, 42, 148	-	-	-

Вот примеры отнесения сведений к тому или другому Удинску. В части 1-й «Обозрения (...)»: на стр. 112 после рассмотрения «разборной селенгинской книги» сразу следуют строки о подобной же «удинской книге», что даёт основание считать, что речь идёт именно о забайкальском Удинске; на стр. 187 в строках про «Сыски о красноярских служилых людях – ясачных сборщиках в Удинском, Канском и др. острогах» имеет место однозначное отношение к Удинску красноярскому; на стр. 188 в строках – «по челобитной иркутских служилых людей на насилия и бесчинства служилых людей Селенгинского и Удинского острогов» устанавливается тоже очевидное отношение, но уже к Удинску забайкальскому. В части 2-й: на стр. 141 в «Доезде» красноярского подъячего Алексея Собакина с товарищи, посланных для осмотра дорог и вообще местности между Красноярском и Удинским, Канским, Балаганским и Иркутским острогами» речь однозначно идёт об Удинске красноярском.